



Е. И. ЧАЗОВ

Здоровье и власть

<Фрагмент>

Между тем события, связанные с болезнью Брежнева, начали приобретать политический характер. Не могу сказать, каким образом, вероятнее от Подгорного и его друзей, но слухи о тяжелой болезни Брежнева начали широко обсуждаться не только среди членов Политбюро, но и среди членов ЦК. Во время одной из очередных встреч со мной как врачом ближайший друг Брежнева Устинов, который в то время еще не был членом Политбюро, сказал мне: «Евгений Иванович, обстановка становится сложной. Вы должны использовать все, что есть в медицине, чтобы поставить Леонида Ильича на ноги. Вам с Юрием Владимировичем надо продумать и всю тактику подготовки его к съезду партии. Я в свою очередь постараюсь на него воздействовать».

При встрече Андропов начал перечислять членов Политбюро, которые при любых условиях будут поддерживать Брежнева. Ему показалось, что их недостаточно. «Хорошо бы, — заметил он, — если бы в Москву переехал из Киева Щербицкий. Это бы усилило позицию Брежнева. Мне с ним неудобно говорить, да и подходящего случая нет. Не могли бы вы поехать в Киев для его консультации, тем более что у него что-то не в порядке с сердцем, и одновременно поговорить, со ссылкой на нас, некоторых членов Политбюро, о возможности его переезда в Москву».

Организовать консультацию не представляло труда, так как тесно связанный с нами начальник 4-го управления Министерства здравоохранения УССР, профессор К. С. Терновой, уже обращался с такой просьбой. После консультации, которая состоялась на дому у Щербицкого, он пригласил нас к себе на дачу в окрестностях Киева.

Был теплый день, и мы вышли погулять в парк, окружавший дачу. Получилось так, что мы оказались вдвоем со Щербицким.

Я рассказал ему о состоянии здоровья Брежнева и изложил просьбу его друзей о возможном переезде в Москву. Искренне расстроенный Щербицкий ответил не сразу. Он долго молчал, видимо, переживая услышанное, и лишь затем сказал: «Я догадывался о том, что вы рассказали. Но думаю, что Брежнев сильный человек и выйдет из этого состояния. Мне его искренне жаль, но в этой политической игре я участвовать не хочу».

Вернувшись, я передал Андропову разговор со Щербицким. Тот бурно переживал и возмущался отказом Щербицкого. «Что же делать? — не раз спрашивал Андропов, обращаясь больше к самому себе. — Подгорный может рваться к власти». Политически наивный, не разбирающийся в иерархии руководства, во внутренних пружинах, управляющих Политбюро, я совершенно искренне, не задумываясь, заметил: «Юрий Владимирович, но почему обязательно Подгорный? Неужели не может быть другой руководитель — вот вы, например?» «Больше никогда и нигде об этом не говорите, еще подумают, что это исходит от меня, — ответил Андропов. — Есть Суслов, есть Подгорный, есть Косыгин, есть Кириленко. Нам надо думать об одном: как поднимать Брежнева. Остается одно — собрать весь материал с разговорами и мнениями о его болезни, недееспособности, возможной замене. При всей своей апатии лишаться поста лидера партии и государства он не захочет, и на этой политической амбиции надо сыграть».

Конечно, Андропов в определенной степени рисковал. Только что подозрительный Брежнев отдалил от себя одного из самых преданных ему лиц — своего первого помощника Г. Э. Цуканова¹. Говорили, что сыграли роль наветы определенных лиц, и даже определенного лица. Сам Георгий Эммануилович говорил, что произошло это не без участия Н². Я и сегодня не знаю, чем была вызвана реакция Брежнева. Но то, что у больного Брежнева появилась подозрительность, было фактом.

* * *

К моему удивлению, план Андропова удался. При очередном визите я не узнал Брежнева. Прав был Щербицкий, говоря, что он сильный человек и может «собраться». Мне он прямо сказал: «Предстоит XXV съезд партии, я должен хорошо на нем выступить и должен быть к этому времени активен. Давай, подумай, что надо сделать».

Первое условие, которое я поставил — удалить из окружения Н., уехать на время подготовки к съезду в Завидово, ограничив круг лиц, которые там будут находиться и, конечно, самое главное — соблюдать режим и предписания врачей.

Сейчас я с улыбкой вспоминаю те напряженные два месяца, которые потребовались нам для того, чтобы вывести Брежнева из тяжелого состояния. С улыбкой, потому что некоторые ситуации, как например, удаление из Завидова медицинской сестры Н., носили трагикомический характер. Конечно, это сегодняшнее мое ощущение, но в то время мне было не до улыбок. Чтобы оторвать Н. от Брежнева, был разработан специальный график работы медицинского персонала. Н. заявила, что не уедет, без того чтобы не проститься с Брежневым. Узнав об этом, расстроенный начальник охраны А. Рябенко³ сказал мне: «Евгений Иванович, ничего из этой затеи не выйдет. Не устоит Леонид Ильич, несмотря на все ваши уговоры, и все останется по-прежнему». Доведенный до отчаяния сложившейся обстановкой, я ответил: «Александр Яковлевич, прощание организуем на улице, в нашем присутствии. Ни на минуту ни вы, ни охрана не должны отходить от Брежнева. А остальное я беру на себя».

Кавалькада, вышедшая из дома навстречу с Н., выглядела, по крайней мере, странно. Генерального секретаря я держал под руку, а вокруг, тесно прижавшись, шла охрана, как будто мы не в изолированном от мира Завидове, а в городе, полном террористов. Почувствовав, как замешкался Брежнев, когда Н. начала с ним прощаться, не дав ей договорить, мы пожелали ей хорошего отдыха. Кто-то из охраны сказал, что машина уже ждет. Окинув всех нас, стоящих стеной вокруг Брежнева, соответствующим взглядом, Н. уехала. Это было нашим первым успехом.

То ли политические амбиции, о которых говорил Андропов, то ли сила воли, которая еще сохранялась у Брежнева, на что рассчитывал Щербицкий, но он на глазах стал преображаться. Дважды в день плавал в бассейне, начал выезжать на охоту, гулять по парку. Дней через десять он заявил: «Хватит бездельничать, надо приглашать товарищей и садиться за подготовку к съезду».

Зная его истинное состояние, мы порекомендовали ему не делать длинного доклада, а, раздав текст, выступить только с изложением основных положений. Он ответил так, как тогда отвечали многие руководители: «Такого у нас еще не было, есть сложившийся стиль партийных съездов, и менять его я не намерен. Да и не хочу, чтобы кто-то мог подумать, что я немощный и больной».

* * *

24 февраля 1976 года 5 тысяч делегатов XXV съезда партии бурно приветствовали своего Генерального секретаря.

Доклад продолжался более четырех часов, и только небольшая группа — его лечащий врач М. Косарев, я да охрана знали, чего

стоило Брежневу выступить на съезде. Когда в перерыве после первых двух часов выступления мы пришли к нему в комнату отдыха, он сидел в прострации, а рубашка была настолько мокрая, как будто он в ней искупался. Пришлось ее сменить. Но мыслил он четко и, пересиливая себя, даже с определенным воодушевлением, пошел заканчивать свой доклад.

Конечно, даже неискушенным взглядом было видно, что Брежнев уже не тот, который выступал на XXIV съезде партии. Появились дизартрия, вялость, старческая шаркающая походка, «привязанность» к тексту, характерные для человека с атеросклерозом мозговых сосудов.

Но для большинства партийного актива, присутствовавшего на съезде, главное было то, что, несмотря на все разговоры и домыслы, Генеральный секретарь на трибуне, излагает конкретные предложения, рассказывает об успехах внешней политики, предлагает новые подходы, а это значит, что жизнь будет идти по-прежнему, не будет больших перемен, и можно быть спокойным за свое личное будущее.

И зазвучали речи, в которых восхвалялась мудрость партийного руководства, прозорливость Генерального секретаря. Даже в выступлениях тех, кто в дальнейшем поддерживал демократические изменения в партии и стране, зазвучали слова преклонения перед гением Брежнева.

Из выступления Э. А. Шеварднадзе: «Продолжая разговор о личности руководителя, хочу сказать несколько слов о Политбюро ЦК КПСС и о товарище Леониде Ильиче Брежневе. Слово о Генеральном секретаре Центрального Комитета партии — это вовсе не похвальное слово его личности, а сугубо партийный, деловой съездовский разговор. Вопрос этот принципиальный. Стараясь, хотя бы в общих чертах, передать его политические, интеллектуальные, деловые, человеческие качества, мы хотим тем самым, по крайней мере, как говорят художники, эскизно обрисовать портрет лидера нашей партии и народа, виднейшего политического деятеля современного мира, на примере которого мы должны воспитывать себя и других, которому мы должны во всем следовать, у которого необходимо учиться нам трудиться по-ленински, мыслить по-ленински, жить по-ленински.

В старину говорили, что чем чище небо, тем выше можно взлететь, тем большую силу обретают крылья. Леонид Ильич Брежнев, его славные соратники и вся наша партия создают это чистое и безоблачное небо над нами, создают атмосферу, когда люди всем своим существом устремляются ввысь, в чистое небо, к прозрачным, светлым вершинам коммунизма».

Не сами ли мы вот такими выступлениями породили «феномен Брежнева»? Не сами ли мы создали тот ореол гениального руководителя, в который в то же время никто не верил? Не сами ли мы своим подхалимством позволили Брежневу уверовать в свое величие и непогрешимость? Вероятно, только у нас вот так могут создавать себе кумиров, которых потом сами же чуть не проклинают, но терпят до конца.

* * *

Что я четко уяснил из сложных политических коллизий, прошедших на моих глазах, так это то, что ради пользы страны и народа руководитель не должен оставаться на своем посту более десяти лет.

Уйди Брежнев с поста лидера в 1976 году, он оставил бы после себя хорошую память. Один из умных людей из его окружения в шутку сказал на это: «Даже по наградам». К этому времени у него не было еще ордена «Победы», да и медалей Героя было всего две. Скромно по тем временам, если учесть, что у Н. С. Хрущева их было три. Но судьба сыграла злую шутку со страной и партией. Она оставила еще почти на 7 лет больного лидера, терявшего не только нити управления страной, но и критическую оценку ситуации в стране и в мире, а самое главное, критическое отношение к себе, чем поспешили воспользоваться подхалимы, карьеристы, взяточники, да и просто бездельники, думавшие только о своем личном благополучии.

* * *

...Мы понимали, что напряжение съезда, работа на пределе сил не пройдут для Брежнева даром и что в ближайшее время следует ожидать «разрядки», которая может привести к глубоким изменениям в состоянии его здоровья и личности. Однако так, как это произошло — быстро, с необычной для него агрессией — даже я не ожидал.

По сложившимся обычаем, после окончания съезда делегации областей и республик собирались на товарищеский ужин. Собралась и делегация Ставрополя, куда ее руководитель М. С. Горбачев пригласил и меня, входившего в ее состав. Встреча была оживленной, веселой, звучали тосты, поднимались бокалы с вином и рюмки с коньяком. Хорошее настроение человека, честно выполнившего свой профессиональный долг, было и у меня. Но где-то я ловил себя на том, что определенный горький осадок от всего пережитого есть, тем более что ни Брежнев, ни его окружение, которому удалось сохранить свою власть и положение, не сказали мне даже «спасибо».

Я привык к тому времени к человеческой неблагодарности и спокойно относился к подобным ситуациям. Однако в этот вечер мне пришлось получить еще один урок.

Часов около 11 вечера, когда я вернулся домой, раздался звонок, и я услышал необычный, почему-то заикающийся голос Рябенко, который сказал, что со мной хотел бы поговорить Брежнев. Я ожидал слова благодарности, но вместо этого услышал труднопередаваемые упреки, ругань и обвинения в адрес врачей, которые ничего не делают для сохранения его здоровья, здоровья человека, который нужен не только советским людям, но и всему миру. Даже сейчас мне неприятно вспоминать этот разговор, в котором самыми невинными фразами было пожелание, чтобы те, кому следует, разобрались в нашей деятельности и нам лучше лечить трудящихся в Сибири, чем руководство в Москве. Последовало и дикое распоряжение, чтобы утром стоматологи из ФРГ, которые изготавливали ему один за другим зубные протезы, были в Москве. В заключение он сказал, чтобы ему обеспечили сон и покой.

Я понимал, что это реакция больного человека и что то, чего мы боялись, произошло — начался затяжной срыв. Но сколько можно терпеть? И ради чего? Андропов постоянно убеждает, что ради спокойствия страны, ради спокойствия народа и партии. А может быть, все это не так? Может быть, народу безразлично, кто будет его лидером? Может быть, это надо Андропову, Устинову, Черненко и другим из окружения Брежнева? Впервые у меня появились сомнения.

Несмотря на поздний час, я позвонил Андропову на дачу. Рассказав о разговоре, я заявил, что завтра же подам заявление о моей отставке, что терпеть незаслуженные оскорбления не хочу, да и не могу, что я достаточно известный врач и ученый, чтобы держаться, как некоторые, за престижное кресло. Андропов в первый момент не знал, что ответить на мою гневную и эмоциональную тираду, не знал, как отреагировать на мое возмущение. Он начал меня успокаивать, повторяя неоднократно, что надо быть снисходительным к больному человеку, что угрозы Брежнева наиграны, потому что он уже не может обходиться без нас, понимает, что мы — его единственное спасение. Видимо, понимая мое состояние, начал опять говорить о наших больших заслугах в восстановлении здоровья Брежнева, который вопреки всем прогнозам смог провести съезд. Но я уже ничему не верил. Часа через полтора, уже ночью, видимо, поговорив еще с кем-то, он позвонил снова. «Я говорю не только от своего имени, но и от имени товарищей Леонида Ильича. Мы понимаем вашу обиду, понимаем, как вам тяжело, но просим остаться, так как никто лучше

вас Брежнева не знает, никому, чтобы он ни говорил, он так, как вам, не доверяет». И заключил: «И это моя личная большая просьба». Не знаю, что на меня подействовало — может быть, тон разговора с Андроповым, может быть, прошла первая реакция, но я успокоился и ответил ему, что нам надо встретиться, потому что Брежнев вступил в полосу таких непредсказуемых изменений функции центральной нервной системы, из которой уже вряд ли когда-нибудь выйдет.

* * *

Именно с этого времени — времени после XXV съезда партии — я веду отсчет недееспособности Брежнева как руководителя и политического лидера страны, и в связи с этим — нарождающегося кризиса партии и страны.

Он усугубился несчастьем, которое произошло в том же, 1976 году. Оно имело большее значение, чем уход с политической арены Подгорного. Случилось оно в воскресенье, 1 августа. Стоял прекрасный летний день, и я, пользуясь свободным временем, решил съездить за город, где в двадцати минутах езды у меня был небольшой финский дом. После обеда раздался звонок, сейчас уже не помню откуда, и взволнованный голос сообщил, что только что перевернулась лодка, в которой находился Косыгин, его едва удалось спасти, и сейчас он находится в тяжелом состоянии в военном госпитале в Архангельском, вблизи места, где произошел инцидент. Это недалеко от моего дома, и уже через 20 минут я был в госпитале.

Оказалось, что Косыгин, увлекавшийся академической греблей, отправился на байдарке-одиночке. Как известно, ноги гребца в байдарке находятся в специальных креплениях, и это спасло Косыгина. Во время гребли он внезапно потерял ориентацию, равновесие и перевернулся вместе с лодкой. Пока его вытащили, в дыхательные пути попало довольно много воды. Когда я увидел его в госпитале, он был без сознания, бледный, с тяжелой одышкой. В легких на рентгеновском снимке определялись зоны затемнения. Почему Косыгин внезапно потерял равновесие и ориентацию? Было высказано предположение, что во время гребли у него произошло нарушение кровообращения в мозгу с потерей сознания, после чего он и перевернулся. Наш ведущий невропатолог академик Е. В. Шмидт и нейрохирург академик А. Н. Коновалов⁴ полностью подтвердили этот диагноз, а затем он был уточнен и объективными методами исследования. К счастью, разорвался сосуд не в мозговой ткани, а в оболочках мозга, что облегчало участь Косыгина и делало более благоприятным прогноз заболевания.

Как бы там ни было, но самой судьбой был устранен еще один из возможных политических оппонентов Брежнева. Теперь ему уже некого было опасаться. Он и не скрывал своих планов поставить вместо Косыгина близкого ему Тихонова, с которым работал еще в Днепропетровске. Косыгин находился еще в больнице, когда 2 сентября 1976 года появился указ о назначении Тихонова первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, и он начал руководить Советом Министров, хотя продолжал работать другой первый заместитель Председателя, к тому же член Политбюро, — К. Т. Мазуров.

Сильный организм Косыгина, проводившееся лечение, в том числе разработанный комплекс восстановительной терапии, позволили ему довольно быстро не только выйти из тяжелого состояния, но и приступить к работе. Но это был уже не тот Косыгин, смело принимавший решения, Косыгин — борец, отстаивающий до конца свою точку зрения, четко ориентирующийся в развитии событий. После ухода в 1978 году на пенсию К. Т. Мазурова остался лишь один первый заместитель Председателя Совета Министров — Тихонов, который активно забирал власть в свои руки, пользуясь прямыми связями с Брежневым. Это был человек Брежнева, преданный ему до конца. Но и по масштабам знаний, и по организаторским возможностям ему было далеко до Косыгина. Экономика страны потеряла своего талантливое руководителя.

* * *

Складывающаяся ситуация, как это ни парадоксально, способствовала прогрессированию болезни Брежнева. Уверовав в свою непогрешимость и незаменимость, окруженный толпой подхалимов, увидев, что дела идут и без его прямого вмешательства, и не встречая не только сопротивления, но и видимости критики, он переложил на плечи своих помощников по Политбюро ведение дел, полностью отмахнулся от наших рекомендаций и стал жить своей странной жизнью. Жизнь, которая складывалась из 10–12 часов сна, редких приемов делегаций, коротких, по 2 часа, заседаний Политбюро один раз в неделю, поездок на любимый хоккей, присутствия на официальных заседаниях. Я не помню, чтобы я застал его за чтением книги или какого-нибудь «толстого» журнала. Из прошлого режима он сохранил лишь привычку по утрам плавать в бассейне да выезжать в Завидово на охоту.

Вновь, как и раньше, при малейшем психоэмоциональном напряжении, а иногда и без него, он начинал употреблять успокаивающие средства, которые доставал из разных источников. Они способствовали прогрессированию процессов старения,

изменениям центральной нервной системы, ограничению его активности. Понимая, что Брежнев уже недееспособен, во время одной из наших встреч я сказал Андропову, что вынужден информировать Политбюро о его состоянии, ибо не могу взять на себя ответственность за будущее Брежнева и партии.

К удивлению, в отличие от прошлого, Андропов со мной согласился, попросив только «не сгущать краски». Видимо, настолько изменилась политическая ситуация и обстановка в Политбюро, что Андропов уже не боялся за положение Брежнева, а значит, и за свое будущее.

Трудно вспомнить сегодня, сколько официальных информации о состоянии здоровья Брежнева мы направили в Политбюро за последние 6–7 лет его жизни. Возможно, они еще хранятся в каких-то архивах. Однако спокойствие Андропова было обоснованным — ни по одному письму не было не то что ответной реакции, но никто из членов Политбюро не проявил даже минимального интереса к этим сведениям. Скрывать немощ Генерального секретаря стало уже невозможным. Но все делали «хорошую мину при плохой игре», делая вид, как будто бы ничего с Брежневым не происходит, что он полон сил и активно работает.

* * *

Один такой случай описал в своих «Воспоминаниях» Э. Герек, — выступление Брежнева в октябре 1979 года на праздновании 30-летия ГДР. Он памятен для меня по целому ряду обстоятельств. В начале октября, когда Брежнев должен был выехать в ГДР во главе делегации, проходил Всесоюзный съезд кардиологов, на котором предполагалось избрать меня председателем правления (президентом) этого общества. Мы заранее договорились с Брежневым, что, в связи с моим участием в работе съезда, я не поеду в Берлин. Однако за три дня до отъезда он впал в состояние такой астении, что почти не вставал с постели, и сама поездка стала проблематичной. Нам стоило больших трудов активизировать его.

Андропов, учитывая сложившуюся ситуацию, попросил меня оставить съезд, на котором я уже председательствовал, и выехать в Берлин.

Первое испытание для нас выпало в первый же день, когда Брежнев должен был выступить с докладом на утреннем заседании, посвященном 30-летию ГДР. Для того чтобы успокоиться и уснуть, он вечером, накануне выступления, не оценив своей астении, принял какое-то снотворное, которое предложил ему кто-то из услужливых друзей. Оно оказалось для него настолько сильным, что, проснувшись утром, он не мог встать. Когда я пришел к нему, он,

испуганный, сказал только одно: «Евгений, я не могу ходить, ноги не двигаются». До его доклада оставался всего час. Мы делали все, чтобы восстановить его активность, но эффекта не было. Кавалькада машин уже выстроилась у резиденции, где мы жили. Громыко и другие члены делегации вышли на улицу и нервничали, боясь опоздать на заседание. Мы же ничего не могли сделать — не помогали ни лекарственные стимуляторы, ни массаж.

Я предложил, чтобы делегация выехала на заседание и, если через 30 минут мы не появимся, принимала решение о дальнейших действиях. Нервное напряжение достигло апогея. Наконец вместе с охраной, которая переживала ситуацию не меньше нас, врачей, мы решили вывести Брежнева на улицу, в сад, и попытаться заставить его идти. Удивительные от природы силы были заложены в организме Брежнева. Из дома мы его в буквальном смысле вынесли, когда же его оставили одного и предложили ему идти, он пошел самостоятельно, сел в машину, и мы поехали на заседание.

Истинное состояние Брежнева на заседании знали только я и начальник охраны правительства Ю. В. Сторожев. Ответственный и честный человек, он не меньше меня переживал ту ситуацию, в которой мы оказались, и попросил немецких друзей проследить за Брежневым, когда он будет выходить на трибуну. Мы сидели вдали от него и ничем ему помочь не могли.

Герек описывает, как он вместе с немецкими товарищами помог Брежневу выйти на трибуну. Он пишет, что впоследствии ему через посла был выражен официальный протест в связи с его желанием помочь Брежневу подняться. Я бы выразил ему благодарность, потому что не уверен, смог ли бы вообще встать Брежнев со стула без посторонней помощи.

Тридцать минут выступления Брежнева мы сидели как на углях — выдержит он или не выдержит? К счастью и к моему удивлению, все закончилось благополучно. Но, я думаю, и у меня, и у Сторожева, и у всех, кто вместе с нами пережил этот тяжелейший момент визита, память о нем должна была остаться либо еще одним седым волосом, либо еще одной отметкой на сердце или сосуде.

В ходе визита были и другие моменты, указывающие на немощь Брежнева, — было перенесено из-за него начало торжественного шествия; с официального обеда он, сославшись на мои пожелания, которых на самом деле я не высказывал, ушел раньше, чем он закончился. Громыко и другие члены делегации были свидетелями всех этих печальных ситуаций, но ни один из них, вернувшись в Москву, словом не обмолвился о том, что происходило в Берлине.

Можно было бы много говорить об информированности различных кругов советского общества о той ситуации, которая складывалась в конце 70-х — начале 80-х годов, говорить о начавшемся разложении общества, когда на махинации, приписки к выполненным работам, коррупцию, мелкое воровство стали смотреть как на неизбежное зло. Была единственная организация, которую боялись и которая сохранила, больше благодаря своему руководству, бескорыстное служение тому государственному строю, который ее породил. Это был КГБ, защищавший идеи социализма, единство многонационального государства и существовавшие порядки. Эта организация не только контролировала жизнь общества, но и регулировала общественное мнение, в том числе и путем подавления идей, не совместимых с идеями социализма или существующего государственного строя. Эта многоликая и могущественная организация, подчинявшаяся через Андропова только Брежневу, предопределяла не только решение многих вопросов, но и в определенной степени жизнь общества.

Защита имени Брежнева, его престижа была одной из важных задач этой организации. И, видимо, она успешно справлялась с этой задачей, если на протяжении многих лет общество не знало об истинном состоянии дел в руководстве страны и терпело, а в какой-то степени и сочувствовало больному лидеру страны.

Такой же защитой и созданием определенного образа мудрого руководителя страны, тесно связанного с народом, занимался и мощный пропагандистский аппарат КПСС. Вспомним тот искусственно созданный бум, захвативший не только простых людей, но и представителей творческой интеллигенции после выхода в свет в 1978 году так называемых воспоминаний Брежнева «Малая Земля», «Возрождение» и «Целина». Я совершенно случайно узнал, что готовится издание таких «воспоминаний». Однажды в разговоре Брежнев сказал, что будет очень занят, так как с товарищами должен поработать над материалами воспоминаний. «Товарищи убедили меня, — продолжал он, — опубликовать воспоминания о пережитом, о работе, войне, партии. Это нужно народу, нужно нашей молодежи, воспитывающейся на примере отцов». «Товарищи убедили» — это я слышал от него не раз, когда он получал либо орден, либо Золотую Звезду Героя, либо звание маршала.

Сейчас речь шла о книге. В принципе нет ничего зазорного в том, что руководитель такого ранга, как Брежнев, издает мемуары — он многое видел, встречался со многими интересными людьми, он непосредственный свидетель важнейших событий в жизни страны и мира. Вопрос только в том, как создаются эти мемуары, какой характер они носят и как они воспринимаются.

Мемуары Брежнева создавались в период, когда у него в значительной степени отсутствовала способность к критической самооценке и когда карьеристы и подхалимы внушили ему веру в его величие и непогрешимость.

Над мемуарами трудилась группа журналистов⁵, среди которых я знал В. И. Ардаматского и В. Н. Игнатенко, работавшего затем помощником президента М. С. Горбачева по связям с прессой. Воспоминания, может быть, представляющие интерес с точки зрения оценки истории, в литературном отношении оказались серенькими и скучными. Но и это было бы полбеды, если бы не созданная ответственными работниками ЦК обстановка своеобразной истерии вокруг книги, вызвавшей обратную реакцию в народе. Воспоминания читались по радио и телевидению, изучались в школах и институтах, в системе партийного просвещения.

* * *

Те, кто заронил в сознание больного Брежнева мысль об издании мемуаров в том виде, в котором они были опубликованы, сыграли с ним злую шутку. Брежнев воспринимал весь ажиотаж как истинное признание его литературных заслуг. Да и как было иначе воспринимать человеку с пониженной самокритикой высказывания, например, секретаря правления Союза писателей СССР В. А. Коротича (позже в годы «перестройки» являвшегося редактором журнала «Огонек»), опубликованные в журнале «Политическое самообразование»:

«Воспоминания» Леонида Ильича Брежнева — книга удивительно своевременная. Впервые изданная в дни, когда вокруг советской страны особенно энергично возбуждали целый океан недружелюбия, когда все те силы, что до сих пор еще не простили нам Октябрь, стремились в очередной раз скомпрометировать и унижить завоевания Революции, вышла честная и точно адресованная книга Леонида Ильича Брежнева, сразу же прозвучавшая на весь мир...

«...На наших рабочих столах лежит новая, очень злободневная и точная книга Леонида Ильича Брежнева. Адресованная нам с вами, она не случайно вызвала такой интерес во всем мире. Глава наших государства и партии с самого начала вспоминает свой жизненный путь; уроки этого пути поучительны и незаурядны». *(Текст цитируется по факсимильному оригиналу рукописи.)*

Конечно, здравомыслящий руководитель и критически мыслящий человек без труда распознал бы в подобных приветствиях и обращениях (а он их получал сотнями) обычное проявление подхалимства, которым, к сожалению, бывала тогда богата

не только «чиновничья» среда, но и среда творческой интеллигенции. И конечно, он не позволил бы присуждать себе, да еще под «барабанный бой прессы и телевидения» Ленинскую премию в области литературы за не созданное им (к тому же слабое) произведение. Но Брежнев в этот период уже не мог реально оценивать ни обстановку, ни свои действия.

Только этим можно объяснить продвижение, с подачи подхалимов и некоторых членов семьи, своих близких родственников и их друзей на руководящие должности. Не было бы ничего плохого, если бы они выдвигались по своим заслугам, таланту или организаторским способностям. Однако уровень общего развития и знаний у большинства из них был таков, что их продвижение по служебной лестнице вызывало у большинства недоумение, улыбку и скептицизм. Все это рикошетом ударяло по престижу Брежнева. Было, например, образовано надуманное Министерство машиностроения для животноводства и кормопроизводства, которое возглавил свояк Брежнева — К. Н. Беляк⁶. А разве соответствовал по своим знаниям и способностям должности первого заместителя министра внешней торговли сын Брежнева⁷? О зяте — Чурбанове — написано столько, что нет необходимости еще раз говорить об этой одиозной фигуре...

* * *

Нам, врачам, с каждым годом становилось все труднее и труднее поддерживать в Брежневе даже видимость активного и разумного руководителя. Его центральная нервная система была настолько изменена, что даже обычные успокаивающие средства являлись для него сильнодействующими препаратами. Все наши попытки ограничить их прием были безуспешными благодаря массе «доброжелателей», готовых выполнить любые просьбы Генерального секретаря. Были среди них и Черненко, и Тихонов, и многие другие из его окружения. И это при том, что по нашей просьбе Андропов предупредил их всех о возможной опасности применения любых подобных средств Брежневым.

Сам Андропов очень хорошо вышел из положения. По нашему предложению, он передавал вместо лекарств точные по внешнему виду «пустышки», которые специально изготавливались. В самом сложном положении оказался заместитель Андропова С. Цвигун. Брежнев, считая его своим близким и доверенным человеком, изводил его просьбами об успокаивающих средствах. Цвигун метался, не зная, что делать — и отказать невозможно, и передать эти средства — значит усугубить тяжесть болезни. А тут еще узнавший о ситуации Андропов предупреждает: «Кончай, Семен,

эти дела. Все может кончиться очень плохо. Не дай Бог, умрет Брежнев даже не от этих лекарств, а просто по времени совпадут два факта. Ты же сам себя проклинать будешь».

В январе 1982 года после приема безобидного ативана у Брежнева развился период тяжелой астении. Как рассказывал Андропов, накануне трагического 19 января он повторил свое предупреждение Цвигуну. Днем 19 января я был в больнице, когда раздался звонок врача нашей скорой помощи, который взволнованно сообщил, что, выехав по вызову на дачу, обнаружил покончившего с собой Цвигуна. Врач был растерян и не знал, что делать в подобной ситуации. Сообщение меня ошеломило. Я хорошо знал Цвигуна и никогда не мог подумать, что этот сильный, волевой человек, прошедший большую жизненную школу, покончит жизнь самоубийством.

Я позвонил Андропову и рассказал о случившемся. По его вопросам я понял, что это было для него такой же неожиданностью, как и для меня. Единственное, о чем он попросил, чтобы мы никого не информировали, особенно органы МВД (зная отношения в то время МВД и КГБ, мы не собирались этого делать), сказал, что срочно будет направлена следственная группа, с которой и надо нашим товарищам решать все формальные вопросы.

Как мне показалось, Брежнев, или в силу сниженной самокритики, или по каким-то другим причинам, более спокойно, чем Андропов, отнесся к этой трагедии. К этому времени это был уже глубокий старик, отметивший свое 75-летие, сентиментальный, мягкий в обращении с окружающими, в какой-то степени «добрый дедушка». Как и у многих стариков с выраженным атеросклерозом мозговых сосудов, у него обострилась страсть к наградам и подаркам.

Он спокойно, без больших волнений пережил период XXVI съезда партии. Поддержанный всем Политбюро, да и большинством партийных руководителей, курс «на стабильность кадров» сохранил во главе партии и государства недееспособного лидера. В стране складывалась все более неопределенная ситуация, и большинство понимали, что все держится на фигуре дряхлого, больного Брежнева и что его уход из жизни может вызвать непредсказуемые последствия.

